

Глубокоуважаемая наша Матерь духовная,

Елена Ивановна!

Вчера мне случилось видеть вид, который глубоко запал в душу мою и заставляет болеть сердце — потому не знаю другого выхода, как обратиться к Вам, нашей духовной Матери, за советом, помощью и правдой. И как Матери чистосердечно выскажу свои наблюдения, мысли, и если они окажутся неправильными, Ваше истинно материнское сердце не откажется указать на ошибки и научит правде.

Я видела, как трое мужчин, погруженные в тяжелую думу, молча ходили по комнате взад и вперед, а одна маленькая женщина стояла прислонившись к углу камина и горько плакала; из глаз ее выглядывала ее измученная болеющая душа; и это потому что их, всем сердцем любимая Водительница сказала о них незаслуженно суровые и почти можно сказать, жестокие слова, назвав их сострадания достойными повинистами. Их, которые уже больше двух месяцев мучимы мыслью и заботами о судьбе нашего о-ва. Карл От. говорит, что теперь вся ответственность возложена на бедного нашего Р.Як. и что мы все другие от нее освобождены, но, несмотря на эти слова, сердце его болит за участь о-ва — Вы то не знаете наших местных обстоятельств, а они таковы, что, если отдать о-во в руки д-ра и Бл. — оно пропало, недели через три — четыре наши родители постараются, чтобы оно было закрыто, а снова открыть нельзя будет, по крайней мере, в ближайшее время, этому будут препятствовать как наши, так и Ваши родители. И чем мы тогда сможем сослужить человеческой эволюции и делу Учителя, рассеянные и потерявшие голос? И вопрос, будут-ли новые друзья д-ра очень ценить его, как отдельную личность? Теперь, когда он выдает себя за представителя целого о-ва, он конечно имеет в их глазах некоторую цену, а если будет стоять один, без о-ва — будет-ли так?

Но, может быть, действительно о-во уже не имеет такого большого значения, какое мы ему придаем, и д-р совершенно прав, говоря, что это безразлично, закроется-ли оно сегодня или завтра. Тогда и вся наша тревога и недоумения напрасны.

Извините, если я буду говорить так, как это велит мое сердце, и как будто о-во имело кое какое значение.

Знали бы Вы д-ра так, как узнали его мы, увы, слишком поздно, большой вопрос, отдали бы Вы в его руки такое большое и серьезное дело, дело космического значения. Говорит он умеет, оба они говорят прекрасно, и неудивительно если, судя только по их письмам, у Вас сложилось о них мнение, как о дельных и полезных людей. Было время, когда мы все восхищались д-ром радовались на него и надеялись что он выравнится, вырастет и даже перерас-

стет многих из нас. Но встретил он на своем пути честолюбие, тщеславие и совершенно изменился. Мое самое сердечное желание было бы, чтобы Вы могли хоть раз увидеть, как они прилагают свои теории к делу.

Потом, может ли человек играть руководящую роль, если он питает только презрение ко всем и к каждому? Вам будет трудно поверить, если скажу, что вряд-ли найдется в о-ве человек, над которым он не издевался, и которого бы самым грубым мальчишеским образом не передразнивал. Как маленькую иллюстрацию его характера приведу только один пример: когда он преследовался за его способ работы, за лекарства и др., ему много помогала одна из наших сотрудниц. Она имеет кое какие связи, бегала, говорила о нем, просила, где только могла. Надо думать, что какое нибудь чувство признательности или благодарности мешает ему издеваться над нею. Она очень сердечный человек, любит каждую тварь живую и, несмотря на свое очень слабое сердце и частые страдания, не откажется ни от какой помощи, какую может оказать другому, человеку-ли, или животному. А в глазах д-ра, любовь и сострадание к животным - преступное чувство, вообще; слово и понятие любовь ему чужды. Но ни один культурный человек из простого уважения к другому, хотя и инако чувствующему человеку, не будет издеваться над ним, передразнивать его манеру говорить, называть его разными именами, из которых название сентиментальной старухи самое невинное. - Это не клевета, этому мы все свидетели, и она сама знает это, но не питает к нему вражды, только жалеет его. И Бл., который, состоя директором в фабрике резиновых изделий, отказался помочь найти какую нибудь работу члену, умирающему чуть ли не с голоду. И когда я пробовала говорить с ним еще раз - выразил недоумение, чего это я лезу к нему со своими голодающими, говоря, что он принципиально этого не делает; а человек от недоедания и холода расстроил окончательно здоровье. А потом Ф.А.Б. - который сегодня звонит Р.Як. и уверяет его в солидарности и преданности, а через полчаса звонит д-ру и спешит передать ему все от Р.Як. услышанное, при том нередко исковеркая смысл сказанного и привирая, и тем еще более раздражая неуравновешенный характер д-ра. История каждого народа может указать на подобного рода людей и нередко большие дела пропадали по их милости. - А теперь у него в руках такое письмо - он может наделать с ним много вреда.

Мы все время стояли в сознании ответственности перед В.Вл. за Его дело, в глубокой благодарности за оказанную нам милость и полученное Учение, и гордые что именно наша маленькая нация является как бы рупором, через который прольются в мир великие и святые истины - напрасно- пришел человек, который сумел осветить и поставить нас узкодумами и которому, видно, кармой предвиденно разрушить, основанное его-же отцом, светлое дело.

Я очень хорошо знаю, что часто дела кажутся уже совсем погибающими, а потом является выход, лучший из лучших, и теперь у меня есть тихая надежда, может быть, пока это письмо вообще дойдет до Вас, оно может уже оказаться лишним, и все разъяснится. В своей личной жизни я много раз видела подобное и потому я лично не очень горюю. Знаю о космической справедливости и что события уже не могут быть остановлены и изменены, только некоторые детали могут на короткое время задержаться, но может быть, и это нужно.

Только очень жаль нашу бедную Ек.Як., которая даже работоспособность теряет. Если есть в нашем о-ве люди, кот. готовы ради дела Учителя и общего дела жертвовать всем, то это именно те четверо "шовинистов", др. словами, Р.Як., Ек.Як. и К.От. - Можно сказать, что я будто забыла большие материальные пожертвования д-ра в пользу о-ва. Нет, не позабыла, но мое убеждение такое, что, если человек зарабатывает 400-500 л. в день, то ему не трудно дать 20.000 л. в год. Такое жертвование, по моему, меньше стоит, чем если человек, зарабатывая 300-350 л. в месяц, отдает 10 л. в месяц. Почему теперь, когда он зарабатывает 1500-1800 л. в месяц он не видит возможности ничего отделить для о-ва и им же начатых дел? Теперь он ссылается на своих 4 дет. (М-ме Лук. тоже врач и тоже работает). А о других, кот. при 3 дет. работают на жалованье 300-350 л. в месяц, он негодует, если те не могут дать более или менее значительных сумм на его затеи.

А Бл. как директор фабрики так вообще ничего не дает, он даже сердится, когда к нему подойдешь с просьбой, жертвовать на Рождество лат для бедных друзей - он принципиально не признает этого. -

А чем они еще способны жертвовать для общего дела? Своим честолюбием? Если попробовать им теперь, не только что отнять теперешнюю игрушку, а хоть указать, что они ошиблись, перестарались, и делу больше повредили, чем помогли, боюсь что был бы большой шум и много пыли.

А те наши, выше названные 4 друзья, не только доказали свою преданность В.Вл. и общему делу в течение 10 лет работы, за которой Вы имели возможность хоть отчасти следить по их же письмам и отчетам, я знаю и могу говорить за них как за самое себя, - еслиб сердце так не болело за участь о-ва, уже давно отказались бы и ушли бы из правления о-ва. Да и теперь есть намерение это сделать и представить к выборам совершенно новое правление, где бы не входил ни один из старых членов. Ф.Ан., узнав об этом намерении, теперь мечется и старается уговорить, чтобы осталось все по старому, ибо боится, что в новое правление не попадет. Это он потом назовет высоким словом - поддержанием единения.

Многое приходится видеть в жизни, и смешное, и грустное, но грустнее всего то, что даже в нашем о-ве вверх берет тот, кто умеет громче кричать и

лучше расписать, а люди, действительно тактичные, которые тихо делают свое дело и преданы до глубин сердца - те, оклеветанные, пристыженные должны так же тихо удалиться, и с болью в сердце видеть, как дело, с таким трудом основанное, с еще большими трудностями вытянутое через разные препятствия (припомним перерегистрацию), подвергается опасностям. Неужели даже здесь сердце и его чувствования - ничто? Надо ли так, что даже самые светлые начинания, начинания, от которых может зависеть весь процесс эволюции на планете, могут основываться и провестись в жизнь ложью? А лгут у нас направо и налево. Лгут, когда пишут Вам, лгут, когда читают нам Ваши письма. У нас эта ложь уже начинает открываться и мы с тревогой смотрим что будет дальше, не будет ли какими нибудь неосторожными выходками дискредитирована вся идея, как это обычно бывает со всеми великими идеями, когда за ними усердно принимаются тайные или явные сотрудники тьмы. Эти мысли и сомнения и есть те побудительные причины, которые заставляют нас держаться, может быть, преувеличенно осторожно.

Во всех своих поступках мы в глубокой преданности старались делать все самое лучшее и постоянно старались применять Ваши советы о бережности и применению к местным обстоятельствам. Р.Як. даже малейшее дело не согласился совершить без Вашего одобрения, и если его можно в чем либо упрекнуть, то только в слишком большой преданности и в недостатке самостоятельности. Для него вообще своего личного "я" не существовало, было только то, что было полезно общему делу, делу В.Вл. - И К.От. все годы он работал тихо и не ожидал признаний и похвал, даже последние годы, когда секретарем о-ва был уже другой, д-р, он попрежнему исполнял все эти обязанности, и д-р был секретарем только по названию, ибо за все время своего секретарства не делал абсолютно ничего. и, наконец, Ек.Як. - о ней мне даже как то неловко говорить. Пальцев на одной руке слишком много, если начать считать таких как она в о-ве. Четвертый из них был мой муж, и я знаю как он страдает, ненавидимый и оклеветанный д-ром, но о том мне не подобает говорить.

На один короткий момент если бы Вы могли перенестись сюда, увидеть нас такими, какие мы есть, а не такими, какими хотим показаться.

Но есть космическая справедливость.

Если я своим письмом заслужила неодобрение Ваше - склоняюсь и принимаю заслуженное. Сердца своего в письме послать я не могу - Вы видели бы как больно, что мое первое послание к Вам вышло такого рода. Но из него Вы поймете, почему я не осмелилась писать Вам ранее когда нибудь. Вести умных рассуждений я не умею и с разными пустыми вопросами, которые мы можем выяснить здесь на месте, обращаться к Вам я не могла, ибо слишком ценю Ваше время. Говорить красивых высокопарных слов - тоже не умею и всегда привыкла на-

зывать вещи их именами. И я думаю, если бы наши друзья, из слишком большой любви к Вам, не старались бы всегда сказать Вам только приятное, обо всем неприятном умалчивая, Вы знали бы обо всем у нас происходящем, и мы не стояли бы теперь с опущенными руками, приниженные, с недоумением в сердце - неужели мои мысли, мечты, устремления были ложны...

Мой муж очень не советует посылать Вам этого письма и говорит что высказанной здесь, неприкрашенной голой правдой, наверняка вызову Ваше неудовлетворение и недовольство. Он советует мне подумать и говорит, что Ваше письмо к Буц. явно показывает Ваш взгляд на наши затруднения, и что повидимому, правда на их стороне. Но ни я, ни кто другой в этом не сомневается и не оспаривает этого, весь вопрос только в том, подходящие ли это доверенные и правильны ли их методы проведения идеи в жизнь. Но, может быть, действительно, убеждение, что светлое может проводиться только светло - устарело, и каждое, даже светлое дело, имеет в свою подкладку черную работу, которая может быть поручена таким, кто ею не брезгают.

Нет, чем больше думать об этих вопросах, тем тяжелее на душе и неудивительно, что Ек.Як. теряет работоспособность, ибо для нее Учение Живой Этики - все. Мне сейчас очень часто вспоминается жизнеописание Миларепы - и в наши дни случается то же.

В одном Вы не можете сомневаться - в преданности всех нас Иерархии Света. Если было бы так, как они, судя по Вашим ответным письмам, Вам писали, мы были бы не только шовинистами, но преступниками. Для пояснения взять хотя бы вопрос журнала: если бы журнал вышел таким, как Бл. и д-р это с самого начала предполагали, ни один культурный человек не читал бы его. Если он получил вид серьезного культурного труда, который не стыдно выпустить в свет, то это надо благодарить Р.Як., который прилагал к нему 2 месяца серьезного труда, спорил с ними, отстаивал свое мнение. А в конце концов, это оказалось заслугой Бл. Но конечно, виноват сам Р.Як., что не умеет выставлять свои заслуги и, надеясь справиться сам со всеми неладами, не писал Вам о них. И вышло одностороннее освещение, как это было и с Кл.Ст., которого они не щадили даже в последние дни его. - Неужели так нужно? Неужели даже Новый Мир строится грубостью и ложью, где правда, неужели Учение только занавеса? Если Вы не подадите совета, если мы действительно все время Вас не понимали, или ложным путем - куда обратиться, кого спросить? Сердцу своему боимся довериться, а что, если оно ошибается, почему оно страдает так тяжело от неправды? Мы старались идти путем сердца, думая, что духовность - главное.

Простите, и если находите возможным и должным - помогите. И если мое к Вам письмо есть проступок - судите и накажите - приму заслуженное. Как сказано: ученик с радостью принимает каждую весть от Учителя, даже если она будет наказанием но - правдой.

Со всею любовью моего сердца и с глубочайшим уважением

О. Я. Мисинь

22. II. 1942 г.

Глубоко уважаемая

Зина Ивановна!

Горее давно собираюсь Вам написать, но все не могла одолеть известной робости, а между тем известную себя такой одинокой и оставленной на произвол судьбы, что иногда пуще Большая сила вли, чтобы не поддаваться присутствию ангельских. Горее 8 месяцев, как мы на курьбине и нет никаких известий ни о друзьях, о ком-нибудь, ни о собственной семье. Я здесь уже с 19^{ти} летней дочерью. О сособьях же и о семье не имел никаких известий, где они, на фронте ли кто-нибудь из них, или отосланы южнее, или еще дальше к северу. Зима, хотя все здешние говорят, что не такая суровая как обихновенно, но для нас она очень суровая, ибо мы не имеем надлежащей одежды или обуви. Смотреть на-встречу второй зимы для всех нас немилливо. На здешних работах мы не в состоянии заработать себе хлеба насузной. Других работ здесь нет, как только срубка деревьев и пиля дров в лесу. А кусок хлеба очень скудный, но и тот не можешь заработать-

до сих пор продаем и продаем свои из-
даны с собой забавленные плашки и белые,
но теперь эти кончились - и как уже сказали -
вторую зиму нам не продать.

Маркет Батис кто-нибудь из друзей писал
Вам и сообщил свой адрес - очень прошу,
если знаете адрес кого-нибудь - не отпи-
шите сообщите мне. Маркет Батис давно
мой друг написал Вам. В нашем округе
пока не была никого из друзей, хотя по
всем сообщениям многие друзья Батиса
здесь. Удивил пока надежды на помощь
Гитлера в организации наступления светлой
Сатна Юли. Годе кончается раковая темная
41 год и наступают с такой тоской опустошен-
42 год, о котором Вы уже неоднократно писали.
В Вашем письме. Умоляю Вас, пусть
почитаемая Елена Ивановна, не откажется
написать мне пару ободряющих слов, не
сердитесь на меня за прошлые проступки
и ошибки. Меня коснулось еще одно большое
несчастье - я начал терять свет глаз
моих - я очень быстро теряю способность
видеть, писать уже не могу, и писем это
сразу писать пока еще сколько-нибудь вижу.

Очки приобретены здесь едва ли махреном Буген,
Очень буду признателен вам за это слово - 7
не откажитесь, и если знаете какие адреса
примлите.

Ново-Сибирская область, Тараболовский
р-н, город Нарын, п/о Шпало-завод
Ольге Яковлевне Мисиль

Мой самой сердечный привет и

Николаю Кошкин,

О. Мисиль

из Риги, в Латвии